

РЕЖИССЕР ДЛЯ ЦИРКА

«Цирк принимают только люди, освободившиеся от бремени жизни», — говорит Валентин Гнеушев

Независимая газета. — 2000. — 30 июня, — с. 10

Валентин Гнеушев — режиссер, который несколько лет проработал в содружестве с Юрием Никулиным, поставил блистательные, принципиально новые цирковые программы «Сладкая любовь...», «Ярмарка чудес», «Этим детям...», «Ваш Старый цирк» и многие другие, не один раз был признан Лучшим режиссером мирового цирка года, член жюри самых престижных международных фестивалей. Где он сейчас? Как реализуется его редкий по природе своей талант?

Валентин Гнеушев.
Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

артисту? Как и у всех российских актеров, зарплата мизерная. Но, как это ни парадоксально, зарплата по существу не влияет на уровень циркового артиста. Опять же вспомню наше турне по Японии в 1996 году. Артисты получали от двухсот до четырехсот долларов в день при наличии шикарных условий проживания и превосходном питании, чего они вообще никогда не знали и знать, я думаю, не будут еще долго. Так вот, они тогда заработали очень хорошие деньги, но от этого лучше не стали.

— В каком смысле не стали?

— Они выложились, насколько могли, в физическом отношении. Но дело в том, что, даже если бы им меньше платили, они хуже бы не выступили, потому что по специфике своей деятельности всегда должны быть в отличной форме. А я имею в виду их эмоциональное развитие и кондицию, в которой они должны находиться на период шоу. Теперь, когда ситуация несколько изменилась, мне кажется, многие из них страшно жалеют, что не происходит дальнейших движений именно в этом русле.

— Говорят, в работе вы жуткий деспот.

— Мнение по этому поводу надо спрашивать у актеров, тогда будет все понятно. Может, они так и думают, но, по крайней мере, мне об этом не говорят. Я не хочу обижать артистов, но не все они понимают, что именно делают в номере. Зачастую они видят только значение результата, а как к нему пришли, им не понятно. У артистов часто складывается ощущение, что они са-

ми все делают. Понимаете, какая штука, если не создавать актерам экстремальных условий, им нечего будет преодолевать и они начинают тормозить в своем развитии. Все, что я предлагаю, это новая лексика, придуманная для артистов цирка. И если меня кто-то действительно воспринимает как деспота, то не потому, что я их обижая или оскорбляю, а потому, что создаю им какие-то форсажи, которые на самом деле им просто необходимы, но они это могут и не осознавать. Если бы я этого не делал, не было бы добытого нами золота и серебра.

— Вы держитесь за артистов?

— Ну как держусь? Я с артистом активно работаю, вкладывая в процесс все свои эмоции, опыт, талант и, естественно, к нему прикипаю. Я довожу артиста до состояния, которое позволяет ему быть востребованным уже на современном мировом уровне.

— И он уходит?

— Это закономерно. Слава богу, времена сейчас переменялись, и они могут работать на Западе, получая там и признание своего таланта, и соответствующую денежную оценку своего труда, это уже другой уровень и иная самооценка. Владимир Кехаля, исполнитель моего номера «Демон», стал самым высокооплачиваемым цирковым артистом Лас-Вегаса, фотозвездой, его портреты вошли в альбомы Херба Ритца, Мэтью Ролстона и Боба Мазона. Цирковой артист, как ребенок, — он всегда все равно уходит от своих родителей, другое дело —

возвращается ли он домой, оказывает ли он родителям внимание — это уже вопрос воспитания. Чаще всего нет. Но мой метод, мои иллюзии они по миру разносят.

— В какой еще стране вы хотели бы сейчас поработать?

— Вот в этой стране.

— То есть вам не хочется уходить от российских артистов?

— Уровень культуры российских артистов несравнимо выше западных. Наш цирковой артист очень талантливый и невероятно трудолюбивый, с высоким физическим и творческим потенциалом. Кроме того, естественно, мне комфортнее работать с нашими артистами, я могу предложить им для адекватного понимания структуры номера подножный материал, может быть, какую-то литературу, музыкальные произведения или еще что-то.

— В цирке сошлись все ваши таланты, вам удавалось создать спектакль в едином концептуальном и стилистическом решении — вы придумывали структуру номера, ставили пластику, работали с художниками, композиторами...

— Да, и часто добивался от них того, что было нужно. Я всегда делал то, что я хочу, несмотря ни на что. Я никогда бы, например, не стал работать в эстрадном искусстве, которое сейчас существует в России и даже в мире, — слишком много в этой сфере вульгарности. Все мои эстетические критерии давно сформированы, даже если я работаю с обнаженной натурой, то она все равно получается на уровне академического античного восприятия.

— Создавая номер, вы думаете о том, что должны развлекать публику?

— Нет именно такой задачи — всех развлечь. Хотя когда выходишь на арену, то неосознанно, на уровне подсознания, наверное, этот момент присутствует. Мой друг говорит, что я занимаюсь клерикальным искусством. Да, я пытаюсь возбудить ассоциативное мышление зрителя — и это несколько другой развлекательный уровень. Однажды одна парижская газета ответила мне немислимый комплимент — назвала меня русским Жаном Полем Гудом. А Гуд, между прочим, самый высокооплачиваемый человек в рекламном деле, он создает выдающуюся рекламу, добиваясь в ней ассоциативной метафоры. Мне довелось с ним познакомиться. Я был в очень солидной компании, все его ждали. Я предполагал увидеть некоего супермена, а приехал в ресторан человек на велосипеде, в кроссовках, гигантских брюках и китайском плаще. И всем было все равно, во что он одет, потому что Гуд — величина.

— На последней конференции в Париже, посвященной развитию циркового искусства, многие из ее участников обрушились на Цирк Дю Солей, обвинив его в монополизме. Вы согласны с этой позицией?

— Надо признать, что Цирк Дю Солей действительно очень мощный. Пожалуй, это сейчас самое крупное предприятие в мире шоу бизнеса. Они в свое время правильно сделали, что выбрали себе нишу в Америке. Квебек всегда был славен туалетной бумагой и пивом «Molson», а сейчас Дю Солей для Канады — флагман культуры. Поскольку Дю Солей, бесспорно, феноменальная группа, естественно, им многие завидуют, но и, конечно, не любят, потому что в начале своей деятельности они проявили беспринципность во многих вопросах.

Когда в 1989 году я впервые приехал в Париж на фестиваль «Цирк завтрашнего дня», меня постигло великое разочарование — мировое цирковое искусство оказалось без претензии, на которую я рассчитывал. С другой стороны, фестиваль определил меня в этой системе ценностей и помог понять состояние вещей. Ну что, допустим, происходит в китайском цирке — они все великолепно гнут, стоят друг на друге — но за этим лишь фольклорная поэтизация, нет актуального искусства.

— То есть вы хотите сказать, что наш цирк первый и это не иллюзия?

— Так говорить нельзя, цирк это не спорт. Но наш цирк всегда отличался приятной масштабностью, которая, правда, имела под собой серьезную материальную базу — не секрет, что цирк всегда был сильным и крепко финансирован государством. Поэтому в сравнении с западными маленькими цирками, живущими за счет собственных доходов, наш цирк мог позволить себе развиваться во всей своей мощи.

— Если не ошибаюсь, ваша жена занимается продюсированием нашего цирка на Западе?

— Моя жена — француженка, очень умная женщина, имеет три темы высшего образования: гражданское право, русский язык — литература, уголовное советское право. Она работала с В. Савицким, советником Бориса Ельцина по юридическим вопросам. Более того, она очень красивая женщина. Дети тоже красивые, двуязычные. Теперь живут во Франции. Здесь ничего не осталось, кроме фотографий.

Конечно, жена сыграла большую положительную роль в моей деятельности, очень сильно мне помогла — путешествовала со мной все эти десять лет, участвовала во всех переговорах. Сейчас она агент второго Московского цирка. Работает с Максимом Никулиным.

— Получается, разлука с вами на ее деятельность не повлияла? Я думала с вами — значит, с цирком, а без вас — значит, без цирка.

— Цирк — это такая зараза.

— То есть Максим Никулин находит с вашей женой общий язык?

— Да, они очень дружны.

— У вас был интересный проект в Мексике, он осуществляется?

— Было предложение осуществить проект по пьесе известного мексиканского писателя, лауреата Нобелевской премии Октавио Паса «Дочь Раппахни». Я уже побывал в Мексике, у вдовы писателя, мы обо всем договорились, я придумал очень красивый ход. Во второй раз приехал в Мексику, а там случился страшный потоп, затопило несколько городов, и финансирование, которое предусматривалось на спектакль, ушло на восстановительные работы. Проект смыло.

— Почему сейчас фактически нет гастролей зарубежных цирков?

— Видимо, некому этим заниматься. И потом западный цирк в большинстве своем просто неинтересен. Они показывают прыгающих кошечек, собачек — красиво тоже, но вот эволюции искусства, к сожалению, у них нет. Вообще, многие известные творческие люди говорят, что там-то ничего и не происходит, все ждут от нас чего-то.

— Вы хотели бы выпустить программу только со своими номерами?

— Если собрать все мои лучшие номера в одну программу, то на Западе она будет нерентабельной, поэтому обычно есть возможность поставить в программу только два-три номера.

— Что-то осталось от вашей последней программы, которую не приважи, или она просто рассыпалась, канула в никуда?

— У Светланы Аркадьевны Куницкой с НТВ, кажется, остался видеоматериал. Но, скажу честно, я стараюсь этот эпизод моей жизни стереть из памяти.

Вся моя проблема в том, что я идеалист, это ужасно. Всегда жил в некоем таком собственном забвении.

Видимо, у меня есть сейчас момент усталости, наверное, потому что нет спроса, нет востребованности. Получается, что я в таком длительном отпуске — не придуманном, а сложившемся. Приезжают иностранные агенты, удивляются, почему я не работаю, вспоминают шоу «Цирк Валентин», которое шло в Нью-Йорке в Театре Гершвина на Бродвее, цирковые проекты в Японии, всемирно известный воздушный аттракцион «Журавли», признанный в 1986 году одним из лучших шоу в Америке и до сих пор гастролирующий по США, шоу «Молодые Артисты Европы», специально созданное для турне по столицам стран ЕС... Им кажется моя сегодняшняя незанятость просто нелегичной. Ведь моя профессия уникальная, режиссеров цирка очень мало в Европе. Наверное, можно поехать и в Европу; поработать там, чтобы меня здесь окончательно забыли...

— Полунин уехал и канул там, недавно привозил в Москву на один день одну программу. Вы ее видели?

— Он сидел вот здесь у меня на этом стуле, мы говорили о том о сем. Почему вы говорите, канул? Он получил сейчас приз Лоуренса Оливье, получил в Лондоне право на свой театр, работает с Дю Солей, получает приличные гонорары. «Триумф» профинансировал его приезд в Москву. Полунин показал хороший спектакль, я бы сказал ничего нового, но очень хороший. Очевидно, он доволен, довольны остались абсолютно все.

— Полунин высказал настораживающую мысль — он приехал, посмотрел и понял, что ему еще не время возвращаться...

— Он очень мудрый. Может, не время здесь и начинать. Я опять же повторяюсь — нет заинтересованности, нет заказчика. Был Юрий Владимирович Никулин, он понимал и доверял мне — и все было класс!

